

Именно эта русская схема первого похода Игоря является остатком того народного предания об этом походе, которое родилось на Руси после печального возвращения русских на родину.

Эта общая схема похода 941 г., остающаяся неизменной и прочной во всех компилятивных древнерусских памятниках об этом походе, является той основой, по которой распределялось все греческое повествование.

Дело обстоит так, что именно византийские источники дополняют русские предания о первом походе Игоря, а не наоборот: русские предания — византийские повествования. При этом обильное цитирование византийских источников в русских памятниках, конечно, не сможет послужить аргументом против этого вывода, потому что «цитирование византийских хроник не означает подражание им».¹³

Русские летописцы, стремясь втиснуть в форму русской схемы построенное по другой схеме греческое повествование о первом походе Игоря, наделись немало ошибок.¹⁴ Эти ошибки помогают нам уяснить, какое представление о первом походе Игоря было у самих летописцев. Сейчас нам понятен только каркас этого представления — русская схема похода 941 г., обросшая фразами (частью дословно, частью в пересказе) из переводных греческих повествований об этом походе.

Вначале на Руси было только народное предание о первом походе Игоря. Отличительными его признаками являлись:

- 1) утверждение, что русские до решительного морского сражения смогли погромить окрестности Константинополя;
- 2) утверждение, что после решительного и единственного морского сражения русские вернулись в Киев.

Как и почему родилось на Руси такое представление, неизвестно.

Не ясны и причины столь прямолинейного и упорного настаивания всех русских источников на том, что поход 941 г. закончился на первом морском сражении, после которого русские якобы вернулись в Киев. Не ясно также, почему русские летописцы предпочитали говорить об особом походе Игоря в Малую Азию для объяснения второй половины амартоловского повествования о едином походе Игоря на греков в 941 г.; нам не ясно, почему автор ПВЛ предпочел утверждать, что вся эта вторая половина амартоловского повествования о первом походе Игоря, рассказывающая о войне русских в Малой Азии, произошла до первого морского сражения, но не следовать за ясным указанием Хроники Амартола, что она произошла после него.

Все это требует более тщательного изучения первого похода Игоря в целом, которое, возможно, значительно изменит привычную картину этого похода.

Однако мы уже теперь видим, насколько самостоятельными и независимыми были наши древнейшие хронисты при составлении рассказа о первом походе Игоря и с каким упорством и последовательностью отстаивали они свою точку зрения на этот поход.

¹³ Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы. М., 1952, стр. 167.

¹⁴ Н. Я. Половой. Две ошибки древнейшего русского хрониста. — ТОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 139—142.